

Ива Афонская
Ивовая свирель

Шесть книг в одной

Ива Афонская
Ивовая свирель.
Шесть книг в одной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510588

ISBN 9785449013828

Аннотация

Эта книга – сборник стихов, содержащий под одной обложкой шесть поэтических книг, изданных также отдельными изданиями, представляющих большую часть творчества поэтессы за полвека жизни. Не вошла в сборник только книга «Ветер странствий», опубликованная только отдельным изданием.

Содержание

1 КНИГА «ТИШИНА»	8
Предисловие	9
Вступление к книге	11
Как рождаются стихи	12
Из первых тетрадей	13
Звёздный плащ	14
Фея-ночь	15
II	17
По звёздам	19
«Поезд жизнь»	21
В дороге	22
«О, время злое...»	24
«Я стала редко видеть звёзды...»	25
«Жизнь – лотерея на нечет и чёт...»	27
«Читаю книгу жизни день за днём...»	28
Витраж	30
«Тверской осеннею порой...»	31
Рождество	33
II	35
«Зазеркалье»	38
Русалочка	42
«Мы все одиноки, как звёзды...»	44
«Я ищу Тебя в чужих глазах...»	45

Ночной дождь	46
Ветер	48
Гнездо	50
«Сейчас мой взгляд от слёз неясен...»	51
«Как преступника...»	53
«Прийти домой и в шкаф повесить платье...»	54
Одиночество вдвоём	55
Сад	57
II	57
Послесловие	60
«Скрипач на крыше»	62
III Скрипач дождя	65
Эпилог	67
2 КНИГА «ЭПИГРАФ К СУДЬБЕ»	70
Вступление	70
1	70
2	71
«Вновь полёт мне приснится...»	72
«Верст нехожено, немерено...»	73
«Как долго осенью до рассвета...»	74
Снежные вершины	75
На склоне гор	77
Музыка в ладонях	80
Цикл «Золотая скрипка»	82
Разбитая скрипка	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ивовая свирель

Шесть книг в одной

Ива Афонская

Иллюстратор Ива Афонская

Оформление обложки Ива Афонская

© Ива Афонская, 2020

© Ива Афонская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4490-1382-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 КНИГА «ТИШИНА»

1980—1987

Предисловие

*«Она ещё не родилась,
Она и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь».
Осип Мандельштам*

Это моя первая книга. Я думаю, что стихи принадлежат не нам и пишутся не нами – они посылаются нам свыше, чтобы мы передали их людям, и поэт – не создатель, а только передатчик между Богом и людьми. Мне не нужны ни слава, ни известность. Стихи – это красота, добро и свет, и я просто хочу, чтобы красоты, добра и света было больше.

* * *

Что есть тишина?

Тишина – когда ещё не сказано слово. Тишина – когда рождается слово. Нет ничего прекрасней тишины и белого листа бумаги, на котором ещё ничего не написано. Родившись, слова теряют что-то от своей высоты и силы. Истина в тишине, и всё по-настоящему выразимо только в молчании. Это знали все большие поэты. «Молчи, скрывайся и таи... Мысль изречённая есть ложь» (Тютчев). «Останься пеной, Афродита, и слово в музыку вернись» (Мандельштам).

Когда мы хотим сказать самое важное, то чувствуем, что

это не передать словами, и тогда мы замолкаем. То, что не передают слова, передаёт тишина.

Тишина искренна и честна. Ода и гимн поют громко. Ложь кричит, пытаясь всех убедить. Правда тиха – ей не нужен громкий голос: она будет услышана И ТАК. Поэтому Иннокентий Анненский поёт «Тихие песни». Громко ораторствует трибуна. Душа говорит тихим голосом. Но правда всегда на стороне души. В тишине мы слышим голос своей души и своей совести. Голос души – поэзия, она тиха, но в ней истина.

Тишина – это мука первоначальной немоты, в которой поэт должен выстрадать своё слово. Оно рождается страданием, поэтому ему можно верить. Тишина – это колыбель слова. Пусть же слово вырастет в этой колыбели. Тихое слово, искреннее и честное, в котором истина и свет.

Вступление к книге

Благословляла раньше слово —
благословляю тишину,
когда, неведомо и ново,
к рожденью слово не готово,
а ты – а ты идёшь ко дну,
без слова ты – жилец без крова
и обделённый на пиру.
Я в пустоте ищу опору,
барахтаюсь в глубоком рву.
Как эта тишина сурова —
благословляю тишину.

1985

Как рождаются стихи

Как рождаются стихи?
О, они приходят сами!
Вдруг, из сна, из темноты,
кружат вместе со снегами.
Вот оно приходит, вроде,
спазма боли горло сводит.
Вдруг захочешь тишины,
в целом мире: стих и ты.

1977

1

¹ Первое напечатанное стихотворение. Написано в 14 лет, напечатано в 17 лет в сборнике «Ранний рассвет», издательство «Молодая гвардия», Москва

Из первых тетрадей

Юность припомниться ранняя,
первый суровый мороз.
Словно у птицы израненной —
голос, звенящий от слёз.

Мир, как река за излучиной,
нами впервые открыт.
Сердце страдать не приучено
и, не окрепнув, болит.

Это лишь голос ломается,
вовсе не сердце, чудак.
Сколько ещё тебе маяться
в жизни придётся — вот так.

Жизнь пронесётся кометою,
мучась, сгорая, любя...
Песня моя недопетая —
верую только в тебя.

Звёздный плащ

Шумит застолье, праздничные тосты...
Оставила за этой дверью я
свой синий плащ, на нём мерцают звёзды,
и белого крылатого коня.

Но вот – во власти вдохновенья снова
я слышу, как мой конь несётся вскачь,
в тиши полночной цокают подковы
и в небесах раскинут звёздный плащ.

Поэт – что делать – для земли не создан.
Пускай я здесь – и всё же нет меня.
Его, поэта, так и тянет к звёздам,
в путь оседлать крылатого коня.

1980

Фея-ночь

На улицах тёмных,
среди окон бессонных,
мерцанья и тени,
и зданий громады.
У лип наклонённых
– аллеи влюблённых,
и лиц устремлённых
вечерние взгляды.

Проспектов наряды —
огней водопады,
всё – тайны и краски,
всё – чувства и звуки,
ломают преграды
и встретиться рады
дыханья и взгляды,
и души, и руки.

Ночь бросит на город
свой царственный полог,
в огнях и мерцаньях
таинственны лица,
в крови нашей холод,
в сердцах наших голод,
и час уж недолог,

где чудо свершится.

В душе – пробужденье
и преображенье,
для взлёта достаточно только усилья.
В нас крови движенье —
как зелья брожение,
и с болью, в мученье
прорежутся крылья.

И в переплетенье мерцанья и тени,
манящие окна волшебницы ночи.
Минут вдохновенья, вечерних видений,
ночных откровений горящие очи.

Ночь что-то бормочет,
чудес напророчит,
в арбатских проулках
плащ Воланда свищет.
И жар таких строчек
рождается к ночи,
что средь многоточий
весь день ты их ищешь.

Как занавес —
свесился сумрак меж кресел,
скрещаются шпаги
желаний и взоров.
Наш выход чудесен

в таинственной пьесе,
и отзвуки песен
в душах актеров.

II

Стих города дневного шум,
свет дня сменили краски ночи.
В краю видений и пророчеств —
во тьме вечерней я брожу.

Жизнь и фантазии игру
ночь так запутывает сложно,
что разделить их невозможно,
как разделить огни и мглу.

Идут в обнимку явь и сон,
и мир мечты перед глазами
с его ночными фонарями
блестит и манит, невесом.

Подъезды прячут тени снов,
огни во мраке ярко-резки,
в глазах видения и блески
несуществующих миров.

Доносит звуки чудных снов

ночного ветра колыханье,
и на щеке моей касанье
несуществующих миров.

Мы чувствуем в душе приход
иной, необычайной жизни.
В ночи – таинственной отчизне —
тебя неведомое ждёт.

1982—1999—2005

По звёздам

Я странствовала в сумрачной ночи,
приюте одиноких и поэтов.
Одна звезда была мне путеводной,
протягивая мне свой тонкий луч.
Был звёздный дождь и звёздная метель.
Сентябрь сменял обманчивый апрель.
Жизнь насыпала полные ладони
своих чудес, а я ждала ещё,
и шла искать неведомого чуда.
Но нагружала жизнь котомку горя
всё тяжелей и тяжелей, и скоро
была так тяжела котомка горя,
что было мне уже не до чудес.
Я шла до звёзд, но шла я по земле,
изранив до крови о камни ноги.
Земля вдали лишь на звезду похожа,
и светом светится голубоватым.
На самом деле-то она из грязи,
и красоту в ней трудно уберечь.
Путь неустанно начиная снова,
взамен страны своей миражной грёзы
я попадала только в царство слёз.
Но, пошатнувшись на дороге звёздной,
я устояла – и помог мне выжить
меня манивший слабый звёздный свет.

И чудилось: есть смысл в происходящем:
недаром я иду, пути не зная,
как будто поняла, куда идти.
И в этом мире, маленький, быть может,
но, как звезда, я свой оставлю свет.

1984—2005

«Поезд жизнь»

Куда несёшься, жизни поезд?
В мельканье вёрст, годов, минут,
всего таинственнее повесть —
чем твой кончается маршрут?

Он предначертан иль случаен?
Но впереди – один лишь мрак.
...Пускай же нашей жизни тайна
нам будет тайной – лучше так.

1982

В дороге

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывём мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня».

Александр Грин «Бегущая по волнам»

Не предавай свои мечты!
Рассудка голос равнодушный
тебе прикажет быть послушным
банальным мненьям суеты.

Быть у других на поводу,
в плену их логики бескрылой,
всё вне обычности унылой
отбрасывать, как ерунду.

Но ты приедешь в поздний час

на полуночный полустанок,
где, как обещанный подарок,
НЕСБЫВШЕЕСЯ манит нас.

Тогда садишься в поезда
за ним в погоню, но неправый
опять петляет путь лукавый,
и снова предана мечта.

Ушёл твой поезд, ветер стих.
Признать тебе мешает гордость:
ты зря не верил в сердца зоркость,
не верил в силу рук своих.

В твоей душе идёт борьба,
ТЫ выбор делаешь. Решайся!
И выдумкой не утешайся,
что жизнью властвует судьба.

1982—1999

«О, время злое...»

О, время злое,
мне в висок не целься,
среди поражения не труби победу.
Наш поезд уж давно скатился с рельсов,
а я всё думаю: куда-то еду.

Не чувствуя: жизнь топчется на месте,
и весь наш поезд – старая телега.
А нам приносят радостные вести
о достижениях общего пробега.

Гремят на каждой станции фанфары
и так трещат торжественные речи,
что катастрофы не слышны удары,
и не видать, что кто-то искалечен.

О, время злое, мне в висок не целься!
Ведь я-то знаю: ты не промахнёшься.
И сколько ни юродствуй и ни смейся,
но от тебя, о Время, не спасёшься.

«Я стала редко видеть звёзды...»

Я стала редко видеть звёзды,
и реже вспоминаю сны,
как прежде, не тревожит воздух,
кипящий запахом весны.

Уже давно не верю в чудо,
не тороплюсь пожать руки.
Лежат на дне сознания грудой
надежд ребячьих лоскутки.

Мне кажется, что жизнь поблёкла
с тех пор, как стали мы взрослеть,
и душу хочется – как стёкла —
от пыли тряпкой протереть.

Но та устало шепчет: где уж,
не хватит сил на долгий срок.
Душа изношена, как ветошь,
и позабыла, что есть Бог.

Её измаяла забота...
Судьба, пошли ты ей, не мучь:
чтоб светлое коснулось что-то —
как в стёкла светит солнца луч.

«Жизнь – лотерея на нечет и чёт...»

Жизнь – лотерея на нечет и чёт,
мы же приходим, чтоб фишками двигать.
Каждый из нас – как закрытая книга,
кто-то откроет и, может, прочтёт.

Этой надеждой все и живут.
Всё-таки будет печально, не скрою,
ежели нас никогда не откроют,
иль прочитают, но не поймут.

1984

«**Читаю книгу жизни день за днём...**»

Читаю книгу жизни день за днём,
но то и дело вырваны страницы,
там символов неясных вереницы,
и сноски непонятным языком.

Порою мне так страшно сознавать,
что тёмн смысл её безумной речи,
её намёков и противоречий,
что до конца страниц – не прочитать.

Подчас схожу от бешенства с ума,
судьбе своей пеняя в укоризне:
зачем, скажи, в библиотеке жизни
мне недоступны многие тома?

Я черновик судьбы пишу: на бред,
на глупый бред он, кажется, походит,
и всё сильней от замысла уходит
нелепой этой повести сюжет.

Махну рукой: борись иль не борись,
пойду скитаться в суете столичной,
покажется столица хаотичной,
бесплановой, загадочной – как жизнь.

Но, не снеся бесцельности ходьбы,
вдруг побреду, устало и сутулясь.
Сродни запутанности этих улиц
запутаны дороги у судьбы.

До старости, как каторжный, неся
письма и книг тяжёлые вериги,
я до конца не разгадаю книги,
и переделать повести нельзя.

1984

Витраж

Я стала странно жить и привыкать уже,
лишь сердце бередит неясная тревога.
Поблекнуло стекло в оконном витраже,
видна в простом окне
бесцветная дорога.

Я стала забывать,
в чём изменений суть,
и чем обычный мир
мне кажется тревожен.
Иду вслед за толпой,
как все, обычный путь:
ведь только он один
мне виден и возможен.

Бывает иногда – почудится душе,
что за чредою лет стезя моя поблёлка...
Но помнится едва,
что в старом витраже
когда-то, может быть,
другие были стёкла.

«Тверской осенью порой...»

Тверской осенью порой,
в косметике огней столица,
блеск фонарей над мостовой,
и в сумраке прохожих лица.

Кружит осенняя листва
под горьким ветром одиночеств,
надежд, мечтаний и пророчеств
чуть слышно шепчутся слова.

В твоих деревьях темноту
я затеряю и укроюсь,
и новой душу обрету,
как переписанную повесть.

И, как асфальт после дождя,
жизнь кажется светлей и ярче
пусть наша жизнь – закрытый ларчик,
с волшебной тайной бытия.

1982—1999

Рождество

1

Сегодня будет Рождество,
весь город в ожиданье тайны,
он дремлет в инее хрустальном
и ждёт: свершится волшебство.

Метели завладели им,
похожие на сновиденье.
В соборах трепет свеч и пенье,
и ладана серебристый дым.

Под перезвон колоколов
забьётся колоколом сердце.
И от судьбы своей не деться —
от рождества волшебных слов.

Родник небес – тех слов исток,
они из пламени и света,²
рождаются в душе поэта,
и в слове возродится Бог.³

² «... из пламя и света рождённое слово» М. Ю. Лермонтов

³ «В начале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог» Евангелие от Иоанна

Колдуй же, вьюга-чародей,
твоя волшебная стихия
преобразит в миры иные
весь этот город и людей.

Встречаться будут чудеса,
так запросто, в толпе прохожих,
и вдруг на музыку похожи
людские станут голоса.

1983—2005

II

«...красота есть воплощение в чувственных формах того самого идеального содержания, которое до такого воплощения называется добром и истиною ...красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира».

Владимир Соловьев «Общий смысл искусства»

«Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, – неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете...»

Ф. М. Достоевский «Ряд статей о русской литературе»

Снег идёт на Рождество,
падает, как милость Божья.
Снег идёт – и волшебство
в этот день случиться может.

Тишина и чистота,
и ничто их не нарушит.
Верь: недаром красота,
раз она спасает души.

Свыше послана тебе,
чудодейственная сила,

это – смысл в твоей судьбе,
ключ к разгадке тайны мира.

Снег идёт – и, чуть дыша,
смотрим мы на мир крылатый.
Пробуждается душа,
омертвевшая когда-то.

Снег идёт, снимая боль
у души обледенелой.
Как снежинка – на ладонь
приземлится ангел белый.

1987—2005

«Зазеркалье»

У меня случился странный день:
подошла я к зеркалу – и что же:
Вижу там лица чужого тень,
на меня как будто не похоже.

В зеркале другой, там нет меня.
Или, может, это только снится?
Стала зеркалом хрустальным я,
отражающим другие лица.

Вдруг потеряно моё лицо
в галерее вечных превращений?
Беспрерывно крутится кольцо
череды волшебных изменений.

А когда любовь ко мне пришла,
думала, руки его касаясь:
наши души – словно зеркала,
так близки, друг в друге отражаясь.

Суею по городу гоним,
повстречается в толпе прохожий.
Вздоргну, на бегу столкнувшись с ним:
в прошлом на него была похожа.

В зеркала чужих смотрю я глаз,
и своё ищу в них отраженье:
вдруг случится увидеть сейчас
в будущем себя хоть на мгновенье.

2

Боюсь я зеркала впотьмах
коснуться взглядом на лету:
ведь ночью в тёмных зеркалах
мы видим только темноту.

Но даже самым ясным днём
не страшно ли тебе, мой друг,
что вместо отраженья в нём
ты пустоту увидишь вдруг?

Своя таинственная связь
у зеркала и темноты:
то в нём скрываются, таясь,
то открываются черты.

Оно, как суд, меж суеты
свою являет правоту,
и к зеркалу подходишь ты,
но видишь только пустоту.

А если отраженья нет,
ты не рождён, пусть жизнь прошла...

Проходят, не найдя твой след,
как мимо чистого стекла.

Не обретёшь себя никак,
в судьбе, как тьме ночной, кружись,
до зеркала – не только шаг,
а путь к себе длиною в жизнь.

Тот счастлив, кто в конце пути,
всё это смог в конце концов:
однажды к зеркалу прийти
и обрести своё лицо.

3

Внушает зеркало испуг
иллюзией пространства, кроме
пространства комнат в нашем доме,
как будто разрывая круг
существований, измерений,
привычных мер, привычных мнений,
доступных для касанья рук
вещей – испугом откровенья
от зеркала повеет вдруг.
О том, что есть другая жизнь,
куда нет доступа, и тайна
хранится за стеклом хрустальным.
Она из тех, что не вложить
в решётки формул. Это выше

сознания нашего, как крыши
над нашим домом – Млечный путь.
Я вглядываюсь в двойника,
гадая, нет ли в нас различья,
моё ли в зеркале обличье,
и вправду ль нет его, пока
я не войду – я не уверен:
быть может, закрывая двери,
я оставляю двойника.

1984—87

Русалочка

*«Странная девочка была эта русалочка...»
Ганс Христиан Андерсен*

В такой чащобе даже волка жалко,
ни конный здесь, ни пеший не пройдёт.
Смотри – сидит у озера русалка!
– То лилия цветёт среди болот.

Нет, друг мой, то не лилия лесная.
Сидит, печально голову склонив,
Русалочка, и волосы свисают
зелёные... – Нет, это ветви ив.

Она – душа моя, у той кринички
о чём-то плачет в предвечерний час,
к воде склонив зелёные косички,
от омута не отрывает глаз.

Здесь каждый куст листвы своей боится,
луна встаёт кровава и светла,
и медленно летит ночная птица,
расплёскивая чёрные крыла.

И в шорохе, и в шелесте, и в звуке
тревожная над всем нависла тень.

Ты здесь один, и некого аукать,
и оборотень ночью каждый пень.

По жизни как в чащобе мы блуждаем.
Отчаянье дай силы силах побороть,
на берегу, у омута, у края,
останови – спаси тебя Господь!

1984—2008

«Мы все одиноки, как звёзды...»

Мы все одиноки, как звёзды,
свет звёзд не рассеет тьму,
не знает, зачем он создан,
не знает, нужен кому?

В мире, где встречи случайны,
наш поиск и путь суров,
лишь отсветы мы замечаем
на нас непохожих миров.

1980—2007

«Я ищу Тебя в чужих глазах...»

Я ищу Тебя в чужих глазах,
по ночам кого-то вижу в снах,
по земле скитаюсь, как впотьмах,
где любимый ты, в каких краях?
И мечусь я посреди дорог,
словно потерявшийся щенок.
Он, в толпе слоняясь наугад,
тычется в колени всем подряд,
побежит за кем-нибудь вослед...
Только – нет хозяина, всё нет.
Не устану я любовь искать.
Время белой пеной на висках
забурлит когда-нибудь...
А вдруг
и тогда начну я новый круг,
новый круг, кого-то люблю,
марафона в поисках Тебя.

1982—1999

Ночной дождь

Ночью уснуть не давал мне плач
ливня-бродяги, дождя-скитальца.
Бился он в окна закрытых дач,
бился всю ночь, разбивая пальцы.

Спать разве можно? Это грешно!
Что же вы так равнодушно спите?
Плачущий дождь стучится в окно,
плачущий дождь кричит: «Помогите!

В мраке холодном улиц ночных,
я бесприютный вечно скитаюсь...»
Но окна – словно уши глухих,
глаза у слепых – не открывались.

Это – отчаянья крик в ночи:
«Я одинок!» Только все боятся,
прячут от душ и дверей ключи —
не достучаться, не достучаться.

Капли как слёзы стучат в окно,
ветры холодные завывают.
Так бесприютно и так темно —
не открывают, не открывают.

Утром в петле из ветвей он стих.
Кончились силы его, он сдался
пред равнодушьем сердец людских:
не достучался, не достучался.

1982

Ветер

Ночью город пуст,
звёздный свет высок.
Шёпот тысяч уст
в тишине умолк.

Топот сотен ног
замер и застыл.
Бродит среди дорог
ветер лишь – забыл

лечь в постель. В ночи
он совсем продрог.
и, как все почти
нынче, – одинок.

Здесь такая тишь
и обитель снов,
что его страшит
звук своих шагов.

Ну кого, скажи,
ищешь ты в ночи?
От твоей души
у кого ключи?

Посмотри: везде
в окнах темь и мрак,
и тебя нигде
здесь не ждут, чудак.

Тёмных башен взлёт,
пустота дворов.
И у всех ворот
двери на засов.

Шелест листьев стих,
словно тысяч уст.
Ночью город тих,
ночью город пуст.

1984

Гнездо

Душа моя,
в которой вдруг
любовь исчезла,
похожа на гнездо,
покинутое птицами.
Кто знает – может птица и вернётся
обратно,
но гнездо остыть успело
и не надеется на возвращенье.

Гнездо без птиц – уж больше не гнездо,
а просто куча веток,
и печально
оно стоит пустое, ожидая,
что кто-то залетит в него случайно
и остановится.

1982

«Сейчас мой взгляд от слёз неясен...»

Сейчас мой взгляд от слёз неясен,
а в прошлом не пришлось тужить.
Я думала: мир так прекрасен,
что можно без любви прожить.

Но ты ушёл – и смолкли птицы,
лес опустел, костёр погас.
Осенний дождик дольше длится,
и меньше звёзд в полночный час.

Убор златой осенних клёнов —
всего лишь жухлая листва.
Не пахнет на лугу зелёном,
поникла свежая трава.

Над потускневшею землею
вдруг потускнели небеса.
Душа – как соловей: в неволе
петь песни сразу перестал.

А я как тень бреду устало,
поникнув гордой головой.
Мне даже песня мукой стала,
напоминая голос твой.

«Как преступника...»

Как преступника
тянет на место преступления,
как эмигранта тянет на родину,
как перелётных птиц тянет на юг,
как монахиню тянет совершить грех,
так меня тянет к твоему дому.

Как самоубийцу тянет к бритве,
как мазохиста тянет испытать боль,
так меня тянет вспомнить о тебе.

Но я не знаю, как назвать это:
ненависть или любовь.

1985

«Прийти домой и в шкаф повесить платье...»

Прийти домой и в шкаф повесить платье,
поставить греться чайник со свистком.
И, посмотрев, насколько денег хватит,
немного привести в порядок дом.

Потом полить цветы, поправить скатерть,
и вспомнить, сколько ждёт на завтра дел.
Как холодно! Включить обогреватель.
А телевизор – бог с ним, надоел.

И увидав, что спички на исходе,
остывший чай ты допиваешь свой.
Бывает иногда – друзья приходят,
когда у них беда – но не с тобой.

1986

Одиночество вдвоём

*«...что где-то есть не наша связь,
а лучезарное слиянье».*

Иннокентий Анненский

Мы пропасти не перейдём,
она меж нами днём и ночью.
Страшнейшее из одиночеств —
есть одиночество вдвоём.

Не испытавши – не поймут,
до дна не выпив чаши с ядом.
Быть одиноким с кем-то рядом —
страшней, чем просто одному.

Различья душ – как двух планет,
нет и не будет им слиянья.
Нам видеть не дано сиянье
чужой души – лишь слабый свет.

Зачем же нам любовь дана,
когда и это не спасает?
Не наша и ничья вина,
а как спастись – никто не знает.

Но пустота в домах страшна —

и мы опять идём друг к другу,
согреть друг друга в злую выюгу
чужая нам душа нужна.

Чтоб вновь – от пропасти страдать,
вновь – как о прутья клетки птица,
в невидимую стену биться
и – о слиянии мечтать.

1986—2005

Сад

Мой сад зарос крапивой с лебедой,
мой сад заглох, и заколочен дом.
Лишь птица по ночам своим крылом
его окна касается порой.

Здесь, видно, жить не будут никогда,
дороги к дому не сыскать следа.
Травую поросла к нему тропа,
найти его мне, может, не судьба.

Разрушат дом и годы, и ветра,
рассыплется его дощатый свод
от времени, дождя и непогод.
Погибнет он, когда придёт пора.

И только сны прекрасные хранят
мечту вернуться в позабытый сад,
найти дорогу в позабытый дом.
Но есть ли он? И верится с трудом.

Как позабытый сад – душа моя,
покинутый, не найденный никем.
От жажды погибает он, моля
дождя у Бога. Гибнет он зачем?

Никто не протоптал к нему тропы,
никто не повидал его красот.
Ужель предназначение судьбы:
никто его и вечно не найдёт?

Погибнет без заботливой руки,
травую и крапивой зарастёт,
его цветы погубят сорняки,
и садовод ужели не придёт?

Ведь полон он чудеснейших плодов,
и подарить их с щедростью готов,
и невозможно подобрать тех слов,
чтоб описать красу его цветов.

Как позабытый сад, душа моя,
растёт, цветёт, печаль свою тая.
Но миру дарит чудный аромат
любой – и даже позабытый сад.

2005

Послесловие

Всех листьев кленовых с земли не собрать.
Листву ворошу, словно жизни страницы.
Душа моя, ты – перелётная птица,
к грядущему ты устремилась опять.

Так в поиске вечном вся жизнь и пройдёт.
Опять непонятной тоской изнывая,
как листьев осенних крылатая стая,
куда ты стремишь свой упорный полёт?

Душа моя – слабое пламя свечи,
погасит тебя непогода любая.
Ведь ты не паломница и не святая,
ты – бедная странница в тёмной ночи.

1987

«Скрипач на крыше»

I

Друг, надо сохранить свечу,
чтоб не погасла до рассвета.
Жизнь не прошла, и песнь не спета,
и я допеть её хочу.

Пока играет мне скрипач
и над заснеженной дорогой
звезда горит, как дар от Бога
надежды в море неудач.

Спасая от тоски и бед,
правдиво, искренно и честно,
идёт от сердца к сердцу песня
и, как свеча, нам дарит свет.

Скрипач на крыше – ты не зря
во тьме играешь ночью снежной.
Моя звезда горит над бездной,
пронзая сумрак января.

II

Скрипач играет над судьбой,
но мы не слышим.

Похож бывает он порой
на дождь на крыше,

порой приходит в новый год,
как голос вьюги...

Ты знай: скрипач к тебе придёт,
поднимет руки,

по скрипке проведёт смычком —
как сон забытый,
скрипичным маленьким ключом
вся жизнь открыта.

Придёт со скрипкою своей,
поднимет руки,
и в небо вознесётся с ней,
как эти звуки.

Пусть не подняться с ним тебе —
не надо жалоб.

Ты слышал музыку с небес —
и то немало.

Лишь душу правильно настрой —

и ты услышишь:
скрипач играет над судьбой...
Послушай! Тише...

1987—1988

III Скрипач дождя

Скрипач дождя играл всю ночь,
держа в озябших пальцах скрипку.
Как будто мне хотел помочь,
моей тоски развеять пытку.
Пока струне его звенеть —
моей душе не умереть.

Скрипач дождя совсем продрог,
и воротник поднял промокший.
Бедняга – он так одинок,
под душем ледяных горошин.
Он так устал и хочет спать,
но не перестаёт играть.

Я вновь одна в своём доме.
Притихший город засыпает.
Чтобы развеять ночь и тьму,
один скрипач во мгле играет.
И некогда уснуть ему
во тьме ночной лишь одному.

Но если скрипки звук умолк,
куда в тиши от муки деться,
Звенит не сломанный смычок —
разбилось трепетное сердце.

Ведь пело – на одной струне,
и оттого так больно мне.

Скрипач придёт и в тяжкий год,
когда беда погасит свечи,
и ночь, крадясь, как чёрный кот,
внезапно падает на плечи.

Смолкает музыка и речь,
корабль мечты постигла течь.

Когда тебя покинут все:

друзья, любовники (*вариант для мужчин – любовницы*)

и музы,

судьба на чёрной полосе,

разорваны бывшие узы,

и далеко до новых встреч,

и луч надежды не сберечь.

Скрипач приходит – знает сам,
что нам без музыки не выжить.

И всей земле, и небесам

играет он на мокрой крыше.

И будет мир стоять, пока

не дрогнула его рука.

1993

Эпилог

Была дорога моя светла...
Свой путь земной проходя, как мост,
я долго странствовала, была
дождём, и ветром, и светом звёзд.

Я над землею летящий лист,
я птица, и не подбей меня!
Исчезну, дымом взвиваясь ввысь:
я – искра гаснущего огня.

Я – голос скрипки, летящий вверх,
едва коснётся её смычок.
Играет скрипка, но не у всех,
а нет маэстро – она молчок.

Я плачу, словно месяц октябрь:
о, мой любимый, ты вдалеке.
Побывать бы немного с тобой – хотя б
слезинкою на твоей щеке.

Я раковина, таю внутри
жемчуг, сокрыта от всех на дне,
закрытых створок не отворить,
не найти на большой глубине.

Начав свой путь как родник у рек —
когда-то к морю он дотечёт,
я забывала, что человек,
себя увидев кем-то ещё.

Пускаясь в самый последний путь,
присев, как водится, — в синей мгле
припомню, может, когда-нибудь,
как я странствовала на земле.

И, покидая порог земной,
я оглянусь, и в последний раз
увиджу мир за моей спиной,
мой город, полный огней, как глаз.

Пусть я боль свою не могу
забыть, душа сожжена дотла —
промолвлю, глядя в ночную мглу:
«Была дорога моя светла».

1987

2 КНИГА «ЭПИГРАФ К СУДЬБЕ»

1988 – 1990

Вступление

1

Пуškai мы живём бестолково,
надрывно и трудно дыша,
пусть в кровь разбивается снова
об острые камни душа,

заплатим слезами и потом
за счастье на мизерный грош —
но и за такие расчёты:
такое не больно найдёшь.

Живём, будто срок наш бессрочен,
и к смерти придём, как к судьбе.
Но наши останутся строчки
эпиграфом к чьей-то судьбе.

2

Ещё ты молод, и не трудно
даётся первая строка,
а жизнь раскрыта, как этюдник,
но недописана пока.

Бросаем мы гроши минут —
а вот уж года нет в помине,
живём, как будто жизнь — этюд
к какой-то будущей картине.

Но вот погаснет рампы свет:
этюды — есть, картины — нет.

1988

«Вновь полёт мне приснится...»

Вновь полёт мне приснится,
только выйду из снов —
и подстреленной птицей
упаду я на дно.

Но, презрев неудачи
и падения в грязь,
сердце мячиком скачет,
вверх – чтоб снова упасть.

Сердце всё же летает,
пусть крыла и грязны,
и давно уже знает,
чем кончаются сны.

Пусть устало стучаться,
только песней живёт.
Только б сон не кончался,
не прервался полёт.

«Верст нехожено, немерено...»

Верст нехожено, немерено,
все чащобы да дубы.
Я – поваленное дерево
на тропинке у судьбы.

Кажется, судьба безрадостна,
за грозой опять гроза,
но вокруг звучат так сладостно
птиц поющих голоса.

Сила злая или добрая
правит миром, где порой
без разбора в кучу собраны
счастье пополам с бедой?

Где средь пенья соловьиного,
без пощады и не раз,
жизнь, покруче ветра сильного,
как стволы, ломает нас.

«Как долго осенью до рассвета...»

«Свеча горела на столе...»

Борис Пастернак

Как долго осенью до рассвета,
и в стуже корчится вечер тёмный.
Когда под этим осенним ветром
один ты в доме – то как бездомный.

А нам ведь надо совсем немного:
чтоб чья-то нежность ладони грела,
чтоб кто-то ждал тебя у порога,
тьму побеждая, свеча горела.

1988

Снежные вершины

Написано на Эльбрусе

Потрескивает печка,
и в доме тишина.
В ночи, при свете свечки,
жизнь кажется слышна.

Чиста и так прозрачна,
что горных рек вода.
И зваться неудачной
не может никогда.

Со склонов гор отвесных
ты видишь, не боясь:
не так уж много места
в ней занимает грязь.

Потоком всё смывая,
как душем тени с век,
затопит жизнь до края
тобой прожитый век.

Когда-нибудь лавиной
она к тебе придёт,
как снежные вершины,

пространство и полёт.

1989

На склоне гор

*«На склоне гор, на склоне лет»
Шаламов*

*«На склоне гор, на склоне лет»,
мудрей мы станем и светлее.
Страдание преодолев,
уйдем туда, где мир виднее,
откуда ближе звёздный свет.*

Смотрю на жизнь я без прикрас,
печаль и радость – всё приемлю.
Но легче здесь во много раз:
здесь звёздный свет, летя на землю,
быстрее достигает нас.

*«На склоне гор, на склоне лет»
нам будет ближе звёздный свет.*

2

*«В пути на горную вершину,
в пути почти на небеса...»
Шаламов
«На свете счастья нет,
а есть покой и воля».*

*«В пути на горную вершину,
в пути почти на небеса»,*
над нами коршуны кружили
и пели чьи-то голоса.

И был почти что бесконечен
наш путь на склоне гор и лет,
мы пили воду горных речек
и думали, что смерти нет.

Но только стало счастье сниться,
покой и воля, тихий дом —
как пролетающая птица,
она нас тронула крылом.

1989

Музыка в ладонях

Как друг до друга донести
немного музыки в ладони?
И в сильный ветер – не уроним,
хоть трудно удержать в горсти.

Друг другу музыку дарить —
предназначение человека.
Для этого, душа-калека,
шлифуй себя, как янтари.

Хоть каплю музыки дарить —
трудней любого в жизни дела,
и, чтоб душа твоя сумела, —
о, как должны мы стать добры!

И в этом смысл любви, мой друг:
приходит, светом мир наполнив,
и музыку – в свои ладони
берёшь ты из любимых рук.

Но как не расплескать в пути,
не замутишь на горных склонах,
немного музыки в ладонях
как друг до друга донести?

Ц1988

**Цикл «Золотая скрипка»
1982 – 1988**

Разбитая скрипка

Голос осени – жалобный голос поломанной скрипки,
что разбилась на множество маленьких жёлтых осколков.
По печальной земле, посмотри, их рассыпано сколько,
только ветер уносит мелодии грустной обрывки.

Ветер будет лететь, задевая за крыш черепицу,
флюгерами вертя, на столбах обрывая афиши.
И встревожимся мы, в вышине её голос услышав,
не поймём, кто зовёт, и куда нам на зов устремиться.

Или голос судьбы, только он почему-то печален,
или музыка эта звучит в нашем сердце, быть может.
Как прожитую жизнь, не вернуть эту осень, но всё же
наша жизнь не бесследна, и ждут корабли у причала.

Можем мы сохранить отголоски мелодии в сердце,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.